

Lise неожиданно объявляет свое письмо, которому он «совершенно поверил и выразил полное с ним согласие», «глупой шуткой» («У Хохлаковых»). Здесь же начинается обнаруживаться вся двойственность натуры Лизы, рано созревшей, требовательной, капризной, изломанной длительной болезнью, испорченной материнским баловством, богатством и досугом, чтением «дурных» французских книг, которые она вытаскивала тайком из-под подушки матери. Полностью раскрывается эта натура почти в самом конце романа (глава «Бесенок»).

Образ Лизы Хохлаковой, затененный яркими образами Катерины Ивановны и Грушеньки, почти не привлекал к себе внимания. Между тем по-своему он весьма примечателен. Достоевский неоднократно подчеркивал близорукость натурализма, который рабски копирует то, что перед глазами, не видя дальше кончика своего носа. Ему противопоставлял он, ставя в пример некоторые образы Пушкина, подлинный реализм, который не только воспроизводит то, что стало устойчивым, типическим, но и способен предвидеть, угадывать то, что еще только носилось в воздухе, еще не осело, не утвердилось. Lise принадлежит к числу именно таких «предугаданных» образов, предвосхищающих явление в жизни и в литературе — в декадентских литературных течениях так называемого *fin de siècle*'я и даже в некоторых «новейших» течениях зарубежной литературы. «Я хочу, чтобы меня кто-нибудь истерзал, женился на мне, а потом истерзал, обманул, ушел и уехал. Я не хочу быть счастливою!... я хочу беспорядка. Я все хочу зажечь дом... И как скучно!... А знаете, я хочу жать, рожь жать. Я за вас выйду, а вы станьте мужиком, настоящим мужиком, у насжеребенок, хотите?». И снова: «...я хочу делать злое... чтобы нигде ничего не осталось!». Рассказывая, что прочла где-то о том, как мучили ребенка, она вызывающе заявляет: «Это хорошо!... он висит и стонет, а я сяду против него и буду ананасный компот есть. Я очень люблю ананасный компот... Я хочу себя разрушать». И тут же — страдальческий выкрик: «Алеша, спасите меня! — вскочила она вдруг с кушетки, бросилась к нему и крепко обхватила его руками. — Спасите меня, — почти простонала она. — Разве я кому-нибудь в мире скажу, что вам говорила? А ведь я правду, правду, правду говорила! Я убью себя, потому что мне все гадко! Я не хочу жить, потому что мне все гадко! Мне все гадко, все гадко! Алеша, зачем вы меня совсем, совсем не любите! — закончила она в исступлении. — Нет, люблю! — горячо ответил Алеша» («Бесенок»).

В этой сцене, являющейся как бы одним из соединительных звеньев между первым и вторым романами, все предпосылки той сюжетной драмы, которая в «главном» романе должна разыграться в душе Алеши. Больше того, в данном эпизоде и прямой ключ к ней: «Вы в мужья не годитесь, — резко заявляет она Алеше, — я за вас выйду и вдруг дам вам записку, чтобы снести тому, которого полюблю после вас, вы возьмете и непременно отнесете, да еще ответ принесете. И сорок лет вам придет, и вы все так же будете мои такие записки носить. — Она вдруг рассмеялась. — В вас что-то злобное и в то же время что-то простодушное, — улыбнулся ей Алеша». И то, что сказала Lise, не было пустыми словами. В конце встречи она прямо требует от Алеши, чтобы тот снес от нее письмо к брату Ивану: «Передайте, непременно передайте! — исступленно, вся сотрясаясь, приказывала она, — сегодня, сейчас! Иначе я отравлюсь! Я вас затем и звала!» А когда Алеша передал письмо (оно было не первым), Иван, не распечатывая, «разорвал его на несколько частей и бросил на ветер: — А, это от того бесенка! — рассмеялся он злобно... Шестнадцати лет еще нет, кажется, и уже предлагается! — презрительно проговорил он... — Как, предлагается? — воскликнул Алеша. — Известно, как развратные женщины предлагаются. — Что ты, Иван, что ты? — горестно и горячо заступился Алеша. — Это ребенок, ты обижаешь ребенка! Она больна, она сама очень больна... Я не мог тебе не передать ее письма... Я, напротив, от тебя хотел что услышать... чтобы спасти ее» («Не ты, не ты!»).